

Закат МВФ и взлёт Нового банка развития БРИКС

Паулу Ногейра Батиста-младший — бывший исполнительный директор МВФ (2007–2015) и первый вице-президент Нового банка развития БРИКС. Батиста обсуждает, как МВФ используется как гегемонистский инструмент власти и почему Новый банк развития БРИКС лучше подходит для многополярного мира. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennndiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennndiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennndiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gldieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Всем привет, и добро пожаловать обратно в программу. Сегодня у нас в гостях особый гость — Паулу Ногейра Батиста, который занимал должность исполнительного директора МВФ с 2007 по 2015 год. Он также был одним из основателей и вице-президентом Нового банка развития БРИКС, отвечавшим за стратегию управления рисками. Большое спасибо, что нашли время.

#Paulo Nogueira Batista

Это удовольствие, спасибо.

#Glenn

У вас очень уникальный профессиональный опыт, который позволяет вам, как я полагаю, сравнивать МВФ с Новым банком развития БРИКС. И некоторые из проблем, с которыми сталкивается БРИКС, как мы знаем, несут в себе большие возможности, но также и трудности — например, подрыв со стороны США и необходимость выработать внутреннюю организацию блока. Однако я подумал, что мы могли бы начать с МВФ, поскольку это модель, которую Новый банк развития БРИКС в определённой степени использовал как отправную точку для сравнения. Мне интересно, как вы оцениваете структуру управления МВФ с точки зрения предпочтения одних экономик перед другими? И какие реформы, по вашему мнению, были необходимы? Ведь можно рассматривать Банк развития БРИКС как ответ, возможно, на неудачу в проведении некоторых из этих реформ.

#Paulo Nogueira Batista

Да, именно так. Мой опыт работы в МВФ в конечном итоге привёл меня к убеждению, что фундаментальные изменения в таких вашингтонских институтах, как МВФ и Всемирный банк, на самом деле невозможны. Мы действительно добились некоторого прогресса в 2008–2010 годах, когда глубокий финансовый кризис по обе стороны Северной Атлантики сделал развитые страны более восприимчивыми к переменам. Но с тех пор ничего не произошло. Представьте — пятнадцать лет, и МВФ, как и Всемирный банк, остаются замороженными с точки зрения фундаментальных изменений в управлении. Так что, если кратко, можно сказать, что МВФ и его основные акционеры — Европа и Соединённые Штаты, в частности — решительно настроены удерживать институт в XX веке, тогда как мы, страны БРИКС и другие развивающиеся государства, хотим двигаться в XXI век. Это означает создание институтов, которые были бы более представительными, более инклюзивными и менее политически предвзятыми, чем нынешние МВФ и Всемирный банк.

#Glenn

А как вы видите в МВФ неформальные структуры власти — распределение голосов или использование политической обусловленности? В какой степени вы считаете это, пожалуй, устойчивой проблемой?

#Paulo Nogueira Batista

Это устойчивая проблема. На самом деле, как я считаю, она становится всё хуже, потому что не только управление оказалось парализовано, но и сам Запад плохо справляется со своим упадком. Под «Западом» я имею в виду в основном Европу и Соединённые Штаты, возглавляемые Соединёнными Штатами. Западный блок цепляется за свои привилегии и власть в МВФ и всё чаще использует его как политическое оружие. Видите ли, Запад превратил в оружие всё — доллар, евро, систему платежей SWIFT, МВФ, Всемирный банк. Это означает, во-первых, что Запад готов на всё, а во-вторых, что он готов разрушить доверие и репутацию тех институтов, которые сам создал и контролирует.

Так что сейчас мы живём в очень своеобразной ситуации. Именно поэтому страны БРИКС объединились — во-первых, как группа государств, а во-вторых, чтобы создать собственные институты, в частности Банк развития БРИКС, одним из основателей которого я был. Но Гленн Дисен говорит, что это очень неожиданный поворот событий. Когда я впервые приехал в Вашингтон в 2007 году и когда страны БРИКС начали собираться вместе примерно в 2008-м, я и представить не мог, что они зайдут так далеко — создадут собственный банк и собственный валютный фонд. Но мы это сделали. Почему? Не потому, что БРИКС были враждебны по отношению к институтам, базирующимся в Вашингтоне, а потому, что мы поняли примерно в 2011 или 2012 году, что никаких фундаментальных изменений, кроме тех, которых мы добились в ходе реформы Фонда 2008–2010 годов, больше не предвидится.

На самом деле, вы часто участвуете — я тоже участвовал — в ежегодных встречах. Не знаю, помните ли вы, но в прошлом году я задал вопрос президенту Путину. Я спросил его: «Как вы видите роль БРИКС в дедолларизации мировой экономики?» И он ответил: «Смотрите, давайте не спешить, давайте идти постепенно», примерно в этом духе. Потому что, как он сказал: «Мы не против доллара. Доллар против нас». Так что, по сути, я вижу БРИКС в основном в оборонительной позиции, а Запад, не привыкший к упадку, борется, извивается и кричит, спускаясь вниз. Это очень опасная ситуация — очень опасная, — потому что сверхдержава в упадке может быть более агрессивной, чем в обычные времена.

#Glenn

Да, ну, часто говорят, что институты работают лучше всего, когда отражают реальное распределение власти. Так вот, Аки, когда вся эта власть сместилась на Восток и в целом диверсифицировалась от политического Запада, можно было бы предположить, что для того, чтобы такие существующие институты, как МВФ, сохраняли свою актуальность, им пришлось бы реформироваться и адаптироваться к новым реалиям. А если этого не происходит, можно ожидать появления и развития новых институтов. Думаю, это вполне разумный способ взглянуть на БРИКС. В целом, я с тобой согласен. У меня складывается впечатление, исходя из разговоров с разными дипломатами и экономистами, что цель не в том, чтобы «утопить» Америку в океане. Скорее, речь идёт просто о диверсификации — о том, чтобы сделать другие страны менее зависимыми от ненадёжного и превращённого в оружие доллара. Но ты видишь это так же? Это относительный упадок Соединённых Штатов вызывает все эти приготовления в формате БРИКС?

#Paulo Nogueira Batista

Я думаю, что это, в целом, относительный упадок политического Запада, Мэтт. Видишь ли, для них все эти институты по-прежнему имеют значение. Мы часто говорим, что они становятся всё менее актуальными — по причинам, которые ты упомянул: потому что мы считаем, что они не представляют всех, не являются инклюзивными. Но для Запада долларовая система, система SWIFT, МВФ, Всемирный банк — всё это, по сути, оружие в борьбе против новых восходящих держав, особенно Китая, верно? Так что, я полагаю, на самом деле происходит следующее: Запад — и это, на мой взгляд, главный фактор в международной экономике и политике сегодня — Соединённые Штаты готовы использовать все инструменты, жёстко и порой насильственно, чтобы сохранить ту власть, которая у них ещё осталась. Эта власть уже не так велика, как даже 10–15 лет назад, но она всё ещё способна причинить немало вреда, как мы видим сейчас, в 2025 году.

#Glenn

Ну, политические экономисты часто отмечают, что экономический гегемон, когда он доминирует и уверен в себе, стремится выстраивать доверие вокруг своей экономической инфраструктуры — институтов, валюты, технологий, цепочек поставок. Но гегемон, находящийся в упадке, начинает использовать все эти экономические инструменты власти как оружие, чтобы помешать росту соперников, что в конечном итоге лишь усиливает отторжение. Но вы упомянули доллар. Почему, по вашему мнению, он стал таким дисфункциональным?

#Paulo Nogueira Batista

По сути, потому что, опять же, теперь это оружие, прежде всего. Раньше доллар принимали и ему доверяли, в нём была уверенность. Теперь это больше не так. Почему? Потому что у доллара есть один главный политический враг — и этот враг сами Соединённые Штаты Америки. Они подорвали доверие к доллару. В итоге мы имеем очень странную ситуацию, которую трудно было бы представить, скажем, три или пять лет назад. США пытаются принудить другие страны использовать доллар. Это полная перемена по сравнению с тем, что было после Второй мировой войны, когда доллар принимали естественным образом. Знаете, я не хочу идеализировать прежнюю ситуацию. Я имею в виду, что США всегда были гегемоном, готовым применять силу, чтобы стравливать страны, свергать правительства и так далее.

Но теперь, как вы сказали, в периоды упадка страна гораздо более склонна к насилию и угнетению, чем раньше. И это проявляется совершенно ясно. Вы очень точно выразились: страны Глобального Юга — даже союзники Соединённых Штатов — всё больше осознают, что больше не могут доверять США. Доверие утрачено. Даже если, скажем, Трампа в будущем сменит более сговорчивый президент, доверие не удастся легко восстановить. Потерять доверие легко, а вернуть его, когда оно утрачено, чрезвычайно трудно — как мы знаем из личных, политических и международных отношений. Поэтому я пессимистично настроен в отношении любых попыток или шансов вернуться к относительно спокойной, мирной ситуации в сфере геополитических отношений с политическим Западом.

#Glenn

Итак, вы держите руку на пульсе многих экономик и правительств по всему миру. Насколько вы чувствуете, что нынешние обсуждения о возможной конфискации российских суверенных фондов, скажем так, вселили некоторый страх в страны — не только в Китай, но и в Индию? Насколько широко распространено это беспокойство по поводу, скажем так, новой утраты доверия?

#Paulo Nogueira Batista

Я думаю, это довольно распространённое явление. Оно всегда в какой-то степени существовало, потому что США использовали доллар как оружие — и в Европе тоже, помните,

— а также конфисковывали золотые резервы в Лондоне. Так что Запад всегда был в некоторой степени склонен к этому. Но, на мой взгляд, главным изменением, решением, которое ознаменовало утрату доверия, стало решение заморозить российские резервы в 2022 году после вторжения в Украину — не только в долларах, но и в евро. Поэтому недоверие распространилось и на евро, поскольку евро стал спутниковой валютой Запада в геополитических целях.

Так что, я думаю, сейчас проблема в том, что Запад больше не заслуживает доверия. Но экономический спад — а я думаю, именно об этом ты говоришь — экономический спад в относительных показателях более выражен в Европе, чем в США, а рост более заметен в Китае, чем в Латинской Америке. Поэтому, когда мы говорим о глобальных понятиях вроде «Глобальный Юг» или «Глобальный Запад», этого недостаточно. Нужно разделять эти группы и смотреть, кто усиливается, кто слабеет, кто застыл на месте. И, на мой взгляд, главное — это упадок, и не только в экономическом смысле, Гленн. Знаешь, я человек с евроцентричным политическим и культурным мировоззрением.

Я жил в Европе. Я восхищаюсь Европой. Но за всю свою жизнь я никогда не видел такого слабого поколения политических лидеров, как те, что сейчас в Европе, почти без исключений. То же самое касается и Соединённых Штатов. США избрали Джорджа Буша-младшего не один, а дважды. Избрали Трампа не один, а дважды. Лидеры-демократы, такие как Байден, тоже очень слабы и крайне подвержены геополитическому давлению. Так что, честно говоря, это поразительно — действительно поразительно — видеть континент, как Европа, и страну, как Соединённые Штаты, в таком унижительном упадке. То, что произошло, в это просто невозможно поверить, правда?

#Glenn

Ну, я тоже часто говорю об этом — что одна из ключевых проблем нашего времени заключается в политически слабых лидерах: слишком идеологизированных, некомпетентных, как мы видим в Европе, даже неспособных к самой элементарной дипломатии, как в недавней голландской истории с изъятием Nexperia, китайской технологической компании, а затем полным недоумением по поводу последствий. И теперь им приходится возвращать её обратно. То есть это просто... очень странно, что всё это не было как следует продумано, ведь они даже не вернулись к исходной точке. Теперь не только китайцы, но и весь остальной мир будут крайне осторожны, прежде чем вкладывать что-либо ценное — инвестиции — в Европу.

Да, это просто поразительное самоповреждение — вот к чему я веду. Но что касается доллара, вы упомянули ранее, что Путин сказал: это не Россия отказалась от доллара, а доллар отказался от России, точнее, наложил на неё санкции. Но что такое процесс дедолларизации? Ведь многие думают, что это можно сделать почти за одну ночь, но это не так. Речь идёт о способности к диверсификации или просто об отсутствии намерения? Ведь, например, у китайцев всё ещё есть определённые стимулы продолжать использовать доллар.

#Paulo Nogueira Batista

Это очень важный вопрос, который вы сейчас поднимаете, потому что в конечном итоге мы имеем дело с готовностью западной экономики в значительной степени нарушать права собственности — в данном случае, как вы упомянули, с голландцами, а также с замораживанием российских резервов и теперь со всеми разговорами о возможности их конфискации. Из-за всего этого доллар оказался под угрозой. И дедолларизация стала серьезной проблемой. Я пишу об этом с 2023 года более или менее систематически и постоянно подчеркиваю, что дедолларизация в конечном счете означает... ну, это, кстати, спорный момент, который я сейчас высказываю.

Дедолларизация в конечном итоге означает переход к новым резервным валютам. По ряду причин я не считаю, что доллар сохранит своё прежнее значение — то же самое касается евро, — но они уже не столь доминируют, как раньше; они находятся в упадке.

Международные деньги в некотором смысле отражают геополитическую ситуацию. Поэтому если Соединённые Штаты и Европа теряют влияние, их валюты тоже будут снижаться по относительному весу. Кто возьмёт на себя ту роль, которую оставляет доллар? Не евро, не другие западные валюты. Может быть, золото? Да, это уже происходит. Потеря доверия оставила крупным центральным банкам единственный выход — обратиться к золоту. Может быть, это будет юань?

Я провёл несколько недель в Китае и обсудил этот вопрос со многими китайскими экспертами. У меня сложилось впечатление — и оно только укрепилось, — что китайцы колеблются выдвигать свою валюту в качестве замены доллару, по многим причинам, о которых мы можем поговорить, если хотите. Так что, если это так, единственной альтернативой было бы создание новой резервной валюты — не глобальной, потому что при нынешнем геополитическом расколе в мире невозможно иметь глобальную валюту. Это должна быть новая валюта, поддерживаемая группой стран, вероятно, только из Глобального Юга, и это действительно стало бы чем-то новым в сфере международных финансов.

#Glenn

Почему Китай может не захотеть использовать или держать новую резервную валюту?

#Paulo Nogueira Batista

Ну, Китай разрывается между плюсами и минусами того, чтобы его валюта играла более значимую международную роль. Плюсы хорошо известны: более низкие затраты на заимствования, защита от финансового оружия и, в конечном счёте, возможность самому использовать эту силу. Но минусы, как мне кажется, для Китая очень серьёзны, потому что, чтобы стать глобальной валютой, им пришлось бы принять некоторые изменения в своей

экономической модели, которые, мягко говоря, вызывают сомнения. Им понадобилась бы полная конвертируемость валюты внутри страны, а также пришлось бы смириться с её укреплением.

Почему? Потому что кто станет требовать юань в качестве международной валюты, если вы не можете свободно конвертировать его в другие валюты по своему усмотрению? Это первое. Это ведёт к нестабильности — крупные потоки капитала, входящие и выходящие из китайской экономики, могут нарушить с таким трудом достигнутую стабильность. А затем вопрос об укреплении: если ваша валюта широко востребована за пределами страны, она, как правило, будет расти в цене. Посмотрите на это с точки зрения Центрального банка Китая. На юань возникает спрос за пределами Китая; спрос растёт — валюта укрепляется. Как с этим бороться? Конечно, можно позволить этому происходить — но у этого есть свои последствия.

Вы также можете покупать иностранную валюту и продавать юани, чтобы попытаться сохранить их стоимость. Но тогда посмотрите, что происходит: китайский центральный банк получает что? Доллары и евро, которые он не хочет накапливать по соображениям безопасности, верно? Поэтому последним средством для Китая было бы введение контроля за притоком капитала, что отдалило бы их валюту от какой-либо значимой международной роли и фактически повернуло бы вспять процесс интернационализации, которого они уже в какой-то степени добились. Возможно, я ошибаюсь, потому что это крайне спорный вопрос. Я чувствую, что он вызывает споры и в самом Китае. Но, полагаю, китайцы, вероятно, попробуют «прощупать почву».

Они уже делают это, позволяя осторожное использование своего юаня за пределами Китая. Но, знаете, в Бразилии мы говорим — в футболе, в соккере — не меняют команду, которая побеждает. Так зачем же китайцам менять экономическую модель, которая была настолько успешной на протяжении последних десятилетий? Любые изменения будут очень осторожными. Например, укрепление валюты. Действительно ли китайцы хотят следовать западным советам — которые, как вы знаете, давались уже давно — и позволить своей валюте укрепиться? Сделают ли они это? Я имею в виду, ни одна страна Глобального Юга не процветала, следуя западным советам. Могу сказать это с латиноамериканской точки зрения. Мы в значительной степени следовали Вашингтонскому консенсусу — и не добились успеха.

Мы либерализовали счет капитала. Мы позволили нашим валютам укрепиться. Мы прошли через деиндустриализацию, как Соединённые Штаты и Европа. Поэтому я считаю, что китайцы — очень опытные люди. Они следуют, даже не слышав об этом, максими Отто фон Бисмарка, который говорил: «Я не учусь на собственном опыте; я учусь только на опыте других». Так что они смотрят на опыт Соединённых Штатов, опыт Латинской Америки, на то, что произошло с США как с глобальным валютным гегемоном — они всё это знают. Их успех как страны — не случайность. Они действовали очень системно, изучая и анализируя ошибки и удачные решения других.

#Glenn

Мне, кстати, нравится цитата Бисмарка. Но что насчёт БРИКС? Может ли он сыграть роль в создании альтернативы? Многие говорят о возможности валюты БРИКС, но с другой стороны, это кажется маловероятным. Вероятно, внутри объединения возникнет значительное сопротивление — особенно когда я разговариваю с индийскими дипломатами или послами, они всегда говорят: «О нет, мы никогда не согласимся на общую валюту». Так что, можете ли вы прокомментировать это? Есть ли, по-вашему, какой-то путь вперёд, и почему вообще может возникнуть сопротивление?

#Paulo Nogueira Batista

Знаете, сейчас я завершаю работу над статьёй под названием *Путь к новой резервной валюте*. И там я признаю тот момент, о котором вы только что сказали, — он действительно ключевой. Внутри БРИКС нет полного единства по этому вопросу. Индия, конечно, является одним из факторов сопротивления. Другой, о котором говорят меньше, — это позиция наших центральных банков, которые очень консервативны и не любят даже думать о подобного рода переменах — о создании новой резервной валюты. Даже более скромные шаги встречают сопротивление со стороны Индии и наших центральных банков. Так что это непростое предложение. Как мне отразить это в статье, которую я сейчас завершаю?

Прежде всего, следует признать, что любая новая валюта или любая новая инициатива в финансовой сфере не должна быть проектом всего БРИКС, а скорее БРИКС-центричной — скажем так. Большинство стран БРИКС, вероятно, примут участие, но не обязательно все. Индия, возможно, захочет остаться в стороне и присоединиться позже. Поэтому нам не стоит парализовываться необходимостью мобилизовать каждого участника. Посмотрите на БРИКС сейчас — десять стран. Индия может проявлять сдержанность, но также и Объединённые Арабские Эмираты могут быть осторожны по политическим причинам. Эфиопия и Египет могут колебаться из-за своих отношений с МВФ. В настоящее время они зависят от МВФ, поэтому могут быть очень осторожны в отношении любого шага, который способен задеть чувствительные нервы Запада, понимаете.

Так что, безусловно, если смотреть на мир, на глобальную арену, любая инициатива такого рода должна быть ориентирована на БРИКС. Но она также может исходить и от стран за пределами БРИКС — стран-партнёров или даже других государств, которые захотят присоединиться. Таким образом, это будет не просто группа БРИКС, а группа, ориентированная на БРИКС, и, конечно, на Китай. Это ещё один момент. Одна из трудностей, с которыми мы сталкиваемся при разработке новых многосторонних инициатив, заключается в подавляющем относительном размере Китая в любой группе, в любом возможном наборе стран, которые можно было бы объединить для подобной инициативы. Так что существует множество вызовов.

Я бы сказал, что сейчас преобладает такое мнение, Гленн, о котором ты, возможно, уже слышал: «Ну ладно, мы проводим международные расчёты — это работает достаточно хорошо». Именно так публично высказываются индийцы. Но в этом аргументе, который использует Индия, есть серьёзный экономический изъян. Международные расчёты в собственных валютах могут продвинуть вас лишь до определённого предела, потому что такая система не позволяет сохранять торговые профициты и дефициты между странами. Так что же нужно? Всегда нужны деньги — надёжные деньги. Доллар больше не является таковым, евро тоже, юань колеблется, а золото не слишком хорошо выполняет эту роль. Поэтому необходима какая-то форма международных денег, чтобы процесс дедолларизации стал более полным.

Это не случайно, Гленн, что Дональд Трамп был очень последовательным и крайне осторожным — исключительно осторожным — в том, как он формулирует этот вопрос. Он говорит: «Мы не позволим, чтобы роль евро как международной резервной валюты оказалась под угрозой». Значит, его советники дали ему хороший совет: «Не игнорируй это. БРИКС пытаются выстроить другую систему. Предупреди их. Пригрози им». И именно это он и делает. Он очень хорошо умеет угрожать — или, по крайней мере, умел. Сейчас он немного теряет свою убедительность. Этот вопрос, который он поднимает, — чрезвычайно сложная проблема международной политической экономики, но она останется с нами, потому что я не верю, что доллар и евро смогут восстановить свою репутацию. Поэтому нам придется искать альтернативы.

#Glenn

Ну, кажется, что первое правило экономики — это всегда предсказуемость, что логично: разные страны предпочитают медленные, постепенные изменения, основанные на проверке, а не какие-то революционные шаги, способные нарушить работу рынков. Но без общей валюты возможно ли — или, может быть, даже более вероятно — существование корзины валют? Ведь после Второй мировой войны выдвигались подобные идеи, особенно британцами, которые, вместо того чтобы полагаться исключительно на доллар США как на резервную валюту, выступали за специальные права заимствования, основанные на корзине валют. МВФ действительно продвинулся в этом направлении, но есть ли похожие идеи в БРИКС, или они идут по другому пути?

#Paulo Nogueira Batista

Важно понимать, Гленн, что БРИКС — это не революционная сила. Никогда ею не был. Могу сказать по своему опыту участия в процессе БРИКС: они всегда действуют очень осторожно — всегда крайне осмотрительно. Даже Россия. Россия фактически находится в состоянии войны с НАТО, и даже она проявляет большую осторожность. Так что это реформаторская сила. Кстати, хочу прояснить одну вещь: никто в БРИКС не думает о создании общей резервной валюты наподобие евро. Мы рассматриваем идею параллельных международных валют, ограниченных международными расчетами между странами. И это может принимать форму —

как вы и сказали — корзины валют, корзины, подобной СДР, а не валюты, подобной евро. Это ключевое различие, которое необходимо понимать. Идея СДР была хорошей.

Он был создан в моем родном городе, Рио-де-Жанейро, в 1969 году, на международной встрече МВФ. Но он так и не стал международной валютой. Почему? Потому что США никогда его не приняли. США никогда не поддерживают ничего, что могло бы соперничать с долларом. Это видно на протяжении всей истории — они были очень враждебны к евро. Помните, США систематически относились к евро враждебно. Все американские экономисты, которые высказывались о шансах евро на успех, были настроены негативно — как оказалось, чрезмерно негативно. Но они контролируют МВФ, поэтому не позволяют этому случиться. У них есть право вето на решения, касающиеся СДР — специальных прав заимствования, — и они пользуются этим правом вето. Я помню, за восемь лет, что я провел в Вашингтоне в МВФ, я пытался — мы многие пытались неоднократно — укрепить роль СДР. США никогда этого не позволяли.

Это даже не дошло до голосования в совете, потому что представитель США постоянно давал понять, что это будет отклонено. Так в чём смысл выносить вопрос на обсуждение? Совет США решительно против, так что это сложно. Моим индийским коллегам я всегда говорю: посмотрите, какая альтернатива резервной валюте, которую мы могли бы создать? Это Китай. Это китайская валюта. Вы этого хотите? У них нет ответа, потому что они враждебно настроены к Китаю, но в то же время боятся вызвать недовольство США. Это может измениться, Гленн. Трамп иногда нам немного помогает, и он ударил Индию в спину высокими тарифами. Так что особые отношения, которые Индия, как она думала, имела с Соединёнными Штатами, возможно, на самом деле не существуют — и, возможно, теперь они это осознают.

#Glenn

Ну, если дедолларизация в значительной степени обусловлена стремлением застраховаться от растущих рисков, связанных с тем, что США берут на себя непосильный долг и используют свою валюту как оружие, то это может вынудить страны БРИКС предпринять более решительные действия. Я имею в виду, если доллар становится менее надёжным, то сохранение статус-кво не принесёт особой предсказуемости. Мы видим, например, на примере Трампа, что он предупреждает: тех, кто попытается отказаться от доллара, ждут санкции. Здесь заложено внутреннее противоречие, потому что именно постоянная угроза санкций и экономического давления фактически побуждает страны к дедолларизации. Это немного похоже на угрозу разбомбить Иран, если он будет развивать ядерное оружие — таким образом только усиливается стимул к этому. И вот я хотел бы спросить: вы видите возможность того, что доллар может войти в спираль падения или приблизиться к коллапсу, при котором БРИКС придётся сделать более смелый, революционный шаг?

#Paulo Nogueira Batista

Я согласен с тем, как вы сформулировали проблему перед своим вопросом — это действительно важный вопрос. Я уже не раз отмечал, в том числе в статье, которую сейчас завершаю, что США находятся в состоянии медленного относительного упадка — как, впрочем, и Европа, хотя в Европе этот процесс идёт немного быстрее. Но мы можем приблизиться к своего рода переломному моменту, которым может стать новый международный финансовый кризис, зарождающийся в Соединённых Штатах и Европе, нечто похожее на то, что произошло в 2008–2009 годах. И вот что важно не забывать: во время кризиса Lehman доллар США всё ещё воспринимался как надёжная гавань.

Итак, мы имеем парадоксальный эффект: кризис, зародившийся в финансовой системе Соединённых Штатов, вызывает бегство в качество — а качеством, как видите, считается доллар. Теперь я полагаю, и, возможно, ошибаюсь, но считаю, что доллар США больше не будет играть роль тихой гавани. Если разразится кризис — скажем, лопнет пузырь на фондовых рынках и в активах США, как это уже неоднократно происходило с 1980-х годов в западной финансовой системе, — что произойдёт? Мы увидим падение доллара США, люди начнут уходить из Соединённых Штатов в золото, в юань. И тогда Китаю придётся задать себе вопрос.

Что мне делать с этими огромными притоками капитала в портфельные активы, поступающими от людей, бегущих от доллара к моей валюте? Если их впустить, произойдет укрепление валюты и возможная волатильность капитала, который может вскоре утечь — именно то, что мы видели в Латинской Америке. Не думаю, что китайцы на это пойдут. Так вот, суть того, что я говорю в этих дебатах, заключается в следующем: послушайте, друзья, мы можем рисковать крахом — серьезным крахом. Давайте обсудим идеи прямо сейчас. Знаете, Радхика Десаи, наша коллега из Балди, индийская исследовательница, в недавних дебатах, организованных Балди, сказала это совершенно ясно: может произойти крах в Соединённых Штатах, и тогда весь остальной мир будет судорожно искать альтернативы. Так почему бы не обсудить эти альтернативы уже сейчас, понимаете?

Потому что люди будут удивлены, увидев, какой ущерб может возникнуть в результате крупного кризиса в Соединённых Штатах или Европе в нынешних обстоятельствах, когда США и Европа уже очень слабы. «Очень слабы» — это преувеличение, но они находятся в состоянии относительного упадка. Поэтому, я думаю, нам нужно подготовиться к трудным временам. И я знаю, что страны БРИКС в некоторой степени проявляют осторожность, вопреки распространённому мнению и агрессивной риторике Дональда Трампа. Я считаю, что Трамп переоценивает БРИКС, полагая, что они участвуют в заговоре с целью свергнуть доллар. На самом деле мы очень осторожны — слишком осторожны, на мой взгляд. Нам нужно набраться смелости и осознать, что, если посмотреть на мир, бежать больше некуда, кроме как в крупные страны с развивающимися рынками, которые в основном и составляют БРИКС.

#Glenn

Да, ну, когда разговариваешь с генералами и разными военными руководителями, они всегда говорят одно и то же: у них есть планы войны практически на любой случай. Если завтра начнётся война, не хочется быть застигнутым врасплох. Было бы логично, если бы и у экономистов были какие-то планы. Я имею в виду, если действительно видно, что доллар США исчерпывает себя, это может привести к настоящей переломной точке, как вы выразились — значит, должны быть какие-то планы. Не обязательно их реализовывать, но хотя бы иметь возможные дорожные карты, куда двигаться. Но как вы относитесь к угрозам Трампа уничтожить БРИКС? Вы сказали, что он назвал БРИКС заговором.

Я думаю, именно это слово он и использовал — что это был заговор против США. Но он также делал заявления о желании уничтожить БРИКС. Он выдвигал очень странные утверждения о том, что страны массово выходят из БРИКС из-за его великих угроз, хотя не привёл ни одного примера. С другой стороны, он как-то предположил, что Испания входит в БРИКС, так что, возможно, он считает, что Испания вышла из БРИКС — я не совсем уверен. Но стремление разрушить БРИКС и вызвать внутренние разногласия кажется вполне реальным, и в Вашингтоне за этим стояла бы значительная политическая сила. Видите ли вы, что что-то из этого действительно происходит? И что на самом деле могут сделать США, чтобы поссорить эти страны?

#Paulo Nogueira Batista

Знаешь, при Трампе США на самом деле сближают эти страны, потому что наносят удары по своим традиционным союзникам — по Европе, по Канаде, по Индии. А Индия раньше была страной, более связанной, или, возможно, всё ещё более связанной, с Соединёнными Штатами. Так что, как мне кажется, Гленн, существует разрыв между риторикой Трампа и его заявленными целями и теми реальными действиями, которые он предпринимает, и которые не соответствуют этим целям. Видишь ли, если бы США более трезво оценивали собственную мощь сегодня, они попытались бы объединиться со своими традиционными союзниками против предполагаемой угрозы со стороны БРИКС, особенно со стороны Китая и России.

Но всё наоборот. Это подрывает отношения с Западом — Европой, Канадой. Можно заметить, что, возможно, Канада теперь выглядит более сговорчивой, а Европа старается угодить Трампу. Но мы знаем — ты знаешь лучше меня, — что европейцы глубоко возмущены тем, что Трамп сделал с тех пор, как снова пришёл к власти. То же самое касается Канады. То же самое касается Мексики, ещё одной страны, близкой к Соединённым Штатам. Так что, я думаю, Трамп постоянно стреляет себе в ногу. Постоянно. Возвращаясь к вопросу, который мы упоминали ранее, некомпетентность руководства на Западе делает для него очень трудным оказание сопротивления.

Видите ли, теоретически мы могли бы оказаться в ситуации, когда Соединённые Штаты возьмут себя в руки — Европа тоже — и произойдёт разворот в упадке. Такое уже случалось в истории, и даже в недавней. Вспомните, в 1970-х США находились в упадке, а затем в 1980-х,

при Волкере и Рейгане, они восстановили свои относительные позиции. Но есть два момента: во-первых, США уже не те, что раньше; а во-вторых, тогда Китай не был соперником. Сейчас Китай стал крупным конкурентом, а Россия значительно усилилась. Так что тот же трюк повторить не получится. Короче говоря, я не думаю, что Дональд Трамп — это второе пришествие Рональда Рейгана. Поэтому упадок будет продолжаться и может стать ещё более стремительным, если в Соединённых Штатах произойдёт финансовый крах.

#Glenn

Теперь, публично, европейские лидеры называют Трампа «папочкой» и считают его величайшим достижением со времён нарезанного хлеба. Но как только они возвращаются в Европу, они его ненавидят. Впрочем, это не секрет. А ранее вы упомянули, что одной из проблем внутри БРИКС является непропорциональная власть Китая. Действительно, можно предположить, что институт был бы более устойчивым, если бы внутри группы существовал лучший внутренний баланс сил. Разумеется, это может улучшиться, когда они примут крупные страны вроде Индонезии — больше гигантов внутри одного блока.

Так что Китай по-прежнему будет ведущей экономикой, но с меньшей способностью доминировать. Думаю, это окажет успокаивающее воздействие на остальных участников. Но я всегда повторяю одно и то же: все остальные члены БРИКС признают, что Китай — это ведущий двигатель, что именно он продвигает БРИКС вперёд просто потому, что обладает необходимыми возможностями. Однако, поскольку все хотят, чтобы это был многополярный клуб, а не ещё один МВФ, управляемый либо Америкой, либо Китаем, они не хотят, чтобы китайцы доминировали. Но как, по-вашему, это будет развиваться, например, во внутренних обсуждениях о распределении голосов в Новом банке развития БРИКС? Это является источником трений или...?

#Paulo Nogueira Batista

Нет, я думаю, вы очень хорошо изложили свою мысль, но не в этом месте. Я имею в виду, что внутри Нового банка развития нет трений по поводу избирательных прав, потому что он был создан на основании договора ещё в 2014 году. Пять стран-основателей — Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка — обладают равными голосами, примерно по 18% сейчас, поскольку к банку присоединились и другие страны помимо первоначальных пяти. Но основная мысль, которую вы высказываете, совершенно уместна. Это действительно ключевой вопрос для БРИКС, понимаете? Потому что давайте посмотрим, как это будет развиваться. Скажу так: я часто смотрю ваши дебаты с известными западными деятелями. Позвольте мне попытаться — просто проверьте, правильно ли я понял.

Если обратиться к такому учёному, как Джон Миршаймер, он бы сказал, что Китай будет играть в обычную игру великих держав — геополитику, доминирование, эгоизм и так далее. Джеффри Сакс, напротив, считает, что Китай может сыграть иную роль, опираясь на свою

историю, конфуцианство и тому подобное. Поэтому я постоянно задаюсь вопросом, сохранит ли Китай свою традиционную политику мирных отношений с другими странами, не навязывая им свою волю, или же, по мере роста его мощи, это вскружит ему голову, так сказать, и Китай станет вторыми Соединёнными Штатами. Мы надеемся на лучшее, но готовимся к худшему.

Я имею в виду, такие страны, как Бразилия, достаточно велики — Бразилия, Индия, Россия — чтобы понимать, что мы не хотим менять шило на мыло, то есть американскую гегемонию на китайскую. Нет. Например, если мы продвигаемся в обсуждении новой резервной валюты, нам нужно убедиться, что роль Китая в новой валютной системе не станет чрезмерно доминирующей. В противном случае мы вернёмся к нулю в плане международных отношений. Так что вопрос в том, сможет ли Китай быть конструктивным в том смысле, чтобы осознать свою силу, но при этом не пытаться подавлять интересы других стран, верно? Я считаю, есть шанс, что Китай может быть другим, но посмотрим, кто обсуждает этот вопрос более уместно — Миршаймер или Сакс.

#Glenn

Я только вчера вернулся из Китая, где прочитал несколько лекций в университетах, в основном о российской геоэкономике. Но я также подчеркивал, что то, как Китай будет встроен в мировую систему, во многом зависит от того, станет ли он гегемоном или, по сути, первым среди равных в многополярном мире. Такие страны, как Индия, хотят многополярности и понимают, что для этого им нужен Китай. Но если Китай станет гегемоном, это подорвет саму идею — всё перевернётся с ног на голову.

И даже русские, которые считают Китай своим главным союзником, своим самым важным партнёрским государством — если бы китайцы стали чем-то вроде второй Америки, стремящейся диктовать условия, — то, знаете, это вселило бы страх в сердца Кремля. Они бы этого не приняли. И даже для Соединённых Штатов создаётся впечатление, что одна из ключевых тревог по поводу Китая заключается в том, что вся риторика строится вокруг идеи: должны ли мы быть гегемоном или Китай должен быть гегемоном? Но если существует третий вариант — если китайцы способствуют формированию многополярной системы, — тогда для американцев это было бы совсем иначе, потому что они могли бы немного отступить обратно за Атлантику и Тихий океан.

Они могли бы восстановить свои силы. Они могут перестроить свою экономику. Я имею в виду, что весь мир выиграл бы от того, чтобы США стали немного более экономически, социально и политически стабильными. Поэтому, я думаю, весь мир с одобрением отнёсся бы к Китаю, более приверженному многополярности, тогда как гегемонистский Китай мог бы даже потерять своих ключевых союзников. Так что это очень важное различие — быть первым среди равных или быть доминирующим. Но, по-видимому, на данный момент они склоняются к многополярной системе.

#Paulo Nogueira Batista

Да, на данный момент их риторика именно такова. Они видят себя и представляют себя как членов Глобального Юга. Думаю, они не используют выражение, которое ты только что употребил, но это удачный способ сформулировать вопрос — станет ли Китай первым среди равных или новой Соединёнными Штатами, верно? Я не уверен, глядя на эти два варианта, которые ты обозначил, какой из них выберет Китай. Но я считаю, что США не готовы принять сбалансированный геополитический ландшафт. Они всё ещё хотят быть номером один. США зависимы от того, чтобы быть первыми.

Должен тебе сказать, Гленн, когда я работал в МВФ и участвовал в процессе G20 в качестве бразильского делегата, меня поразило одно: с американцами нелегко работать, даже когда ты с ними согласен. Они такие высокомерные, настолько уверены в своей правоте, что не дают дипломатии по-настоящему работать. Это очень странная ситуация. Страна полностью зависима от роли мирового гегемона. И почему они так настороженно смотрят на Китай? Потому что Китай — это, безусловно, главный источник соперничества, с которым они сталкиваются в мире. И Китай очень отличается от прежних соперников. Взять, к примеру, СССР — он был силён в военном отношении, но слаб в экономическом.

Затем Япония появилась как предполагаемая угроза — политически слабая, военной силой слабая, но экономически сильная. Теперь же Китай обладает обеими этими силами: он силён и экономически, и военной мощью. Таким образом, Соединённые Штаты никогда не сталкивались с подобным вызовом, и теперь они сталкиваются с ним в момент, когда сами внутренне слабы — политически, экономически и социально. Поэтому я считаю, и согласен с вами, что для мира было бы гораздо лучше, если бы США осознали, что мир меняется. Эпоха однополярности не вернётся в ближайшее время, а может, и никогда. И им следует внести свой вклад в установление мирного, гармоничного сотрудничества. В значительной степени это зависит от Соединённых Штатов — но они, похоже, не воспользуются этой возможностью.

И, как мне кажется, китайцы сейчас находятся на перепутье, оглядываясь в обе стороны. Когда я жил в Китае, меня поразило высказывание представительницы МИД, женщины. Пресса спросила её: «Каков взгляд Китая на лидерство в мире?» И она ответила: «Нет-нет, это не лидерство, это долг». Это был старый подход Китая — сохранять относительно низкий профиль, сосредотачиваться на взаимовыгодном сотрудничестве и на Глобальном Юге, по-настоящему, а не только на словах. Потому что если он отойдёт от этого и начнёт вести себя как новые Соединённые Штаты, то, конечно, весь мир будет сопротивляться — Россия, как вы сказали, Индия, Бразилия и другие страны в соседстве с Китаем.

Так что, я думаю, Китаю было бы разумно занять очень мягкую и кооперативную позицию по отношению к остальному миру. Особенно потому, что — без иллюзий — Соединённые Штаты не перестанут атаковать Китай разными способами. Надеюсь, они избавились от этой иллюзии, потому что в отношениях с США они были настолько умеренны, Гленн, что в какой-

то момент за последние 15 или 20 лет у меня сложилось впечатление, будто они хотели создать процесс G2 с Соединёнными Штатами и Китаем, чтобы уравновесить силы. Но, думаю, с приходом Трампа они наконец поняли, что это невозможно, и успешно сопротивляются атакам, которые США совершают или угрожают совершить против них.

#Glenn

Это была немного упущенная возможность с их стороны — нападать на Китай таким образом. Но мой последний вопрос, хотя, пожалуй, сначала короткий комментарий. Я думаю, всё всегда сводилось к высокомерию. Когда у тебя есть западнцентричный мир на протяжении 500 лет, это, конечно, подпитывает самомнение и заносчивость. Но, как мне кажется, после Холодной войны эта самоуверенность вышла на совершенно новый уровень, потому что я провёл много времени в Европе и в России, и там создаётся впечатление, что после Холодной войны — ну, по крайней мере, во время Холодной войны — с Советами садились за стол переговоров как с более-менее равными. Признавали их озабоченности, искали дипломатические решения через компромисс. А после Холодной войны всё это было выброшено за борт.

Вместо сочувствия, компромисса и взаимопонимания всё было заменено языком ультиматумов и угроз. Так что речь идёт не о том, чтобы помириться с вами или найти компромисс. У нас более высокие ценности. У нас есть сила. Дипломатия означает, что вы просто выполняете приказы. Я думаю, в этом и заключается часть нашей сегодняшней проблемы — как в Европе, так и в США: однополярный мир ушёл, но однополярное мышление всё ещё сохраняется. Поэтому и возникает ситуация, когда голландцы могут конфисковать китайскую компанию, а потом удивляться, когда китайцы отвечают. Это должно быть самым предсказуемым явлением в мире, но, по-моему, именно в этом и заключается основная проблема.

Они без проблем вводят санкции против других стран, но как только санкции возвращаются к ним, начинается яростное возмущение. Предполагается, что экономические санкции — это прерогатива политического Запада, что у нас есть на это легитимное право, а у вас — нет. Это очень странная ситуация. Извините, мой последний вопрос касался европейцев. Сейчас они говорят о конфискации российских активов или хотят узаконить их использование в качестве гарантий по кредиту. Существует множество различных формулировок, чтобы сделать изъятие этих активов законным, чего раньше никогда не происходило. Как вы оцениваете вероятность того, что это произойдет, и каковы будут последствия?

#Paulo Nogueira Batista

Я не знаю, насколько это вероятно. Возможно, вы лучше меня понимаете, каковы шансы, но если это произойдет, то станет кульминацией того, что уже происходит. Замораживание российских активов само по себе является нарушением прав собственности. А если их конфисковать — законно или незаконно — и использовать для поддержки Украины, это выведет ситуацию на новый уровень. Опять же, то, что делает Запад, подрывает его

собственную философию, его базовые принципы: верховенство закона, частную собственность, уважение к правам собственности. Он поступает прямо противоположно тому, что всегда проповедовал. Знаете, в латиноамериканских странах, которые временно или постоянно находились под властью левых правительств, когда они конфисковывали американские активы, на Западе, в США, поднимался шум: «О, это противоречит правам собственности».

Мы этого не принимаем. Экспроприация недопустима. А теперь Запад делает это с невозмутимым видом. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, насколько я понимаю, нидерландцы провели экспроприацию без компенсации, верно? Мы пытаемся сменить руководство — да. Что это такое? Безумие. Полное безумие. Это показывает упадок западного лидерства — они всерьёз думают, что могут так поступать. И, во-вторых, они делают это, не оценивая последствий, не задумываясь, каков следующий шаг. А что, если Китай поступит так же? Поэтому я действительно считаю, что мы живём в опасном мире, потому что всё ещё очень влиятельные державы Европы и Соединённые Штаты ведут себя неконструктивно — мягко говоря. И нам, и остальному миру нужно подготовиться к этому, потому что впереди сплошная турбулентность. Нам придётся пристегнуть ремни, потому что легко не будет никому.

#Glenn

Отлично. Большое спасибо, что позволили мне воспользоваться вашим опытом. Я знаю, что у вас впереди плотный график, так что огромное спасибо.

#Paulo Nogueira Batista

Спасибо, Гленн. Было приятно.